

Л. А. Герд

Россия и Александрийский патриархат в 1840–1870-х гг.

(по документам петербургских архивов)*

Начиная с XVI–XVII вв. русское правительство оказывало постоянную материальную поддержку православным патриархатам Востока — Константинопольскому, Иерусалимскому, Антиохийскому и Александрийскому. Эта помощь, которая являлась стержнем взаимоотношений России и христианского Востока на протяжении нескольких столетий, поначалу, как правило, оказывалась безвозмездно: просители-игумены, монахи или архиереи, приходя в Москву, получали подарки деньгами и мехами, а в обмен нередко оставляли принесенные ими святыни¹. К концу XVII в., по мере продвижения русских к границам Османской империи, помощь стала приобретать также политический характер. В начале XIX столетия, с возникновением так называемого восточного вопроса, духовные и культурные контакты русского правительства с иерархами православного Востока стали составной частью политики в ближневосточном регионе².

Со стороны александрийских патриархов отношения с Россией сводились в основном к изысканию способов для получения материальной помощи. Для России это было как продолжением традиционной политики поддержки православия, так и способом укрепить свое влияние на Ближнем Востоке; общность православной веры с частью населения Османской империи и непосредственные

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 16-01-00306.

контакты с греческой иерархией являлись неоспоримым преимуществом в конкуренции с другими державами на Ближнем Востоке. На фоне этих двух тенденций возникали сложные перипетии, завязывались контакты, плелись интриги.

Еще в средние века, после упадка Антиохии и Александрии как торговых городов империи, ослабляется и экономическая, а следовательно, и политическая роль этих патриарших престолов. Равноправие пяти патриарших престолов апостольского происхождения, о котором столько писали византийские канонисты, стало историческим воспоминанием. Антиохийский патриарх переносит свою резиденцию в Дамаск, александрийский — в Каир, однако и это не могло решить вопрос об их экономической самостоятельности. Даже Иерусалимский престол, пользующийся постоянными денежными пожертвованиями паломников, находился в значительной зависимости от Константинопольского патриарха, а иерусалимский патриарх иногда годами жил в Константинополе, лишь изредка навещая свою паству. Причина тому была не только экономическая, но и политическая: с подчинением восточно-христианского мира Османской империи константинопольский патриарх был поставлен султаном во главе всего православного миллета и осуществлял, таким образом, функцию верховного администратора. Его положение вступало в противоречие с традиционным равноправием престолов, и остальные три патриарха пользовались всяким удобным случаем, чтобы доказать древность своего престола и право на самостоятельность, как политическую, так и экономическую. При каждой смене патриарха наступал кризис, выражавшийся в борьбе политических партий внутри области, и одновременно предпринимались попытки со стороны Константинополя поставить своего кандидата и прибрать к рукам доходы другого престола. Русская дипломатия на протяжении XIX в., как правило, старалась ограничивать притязания Константинополя. Во-первых, было легче установить контакт с каждым местным патриархом, находившимся в прямой финансовой зависимости от России. Во-вторых, в Сирии или тем более в полуавтономном Египте влияние султанского правительства было слабее, чем в Константинополе. Наконец, православное население Антиохийского и Иерусалимского патриархатов составляли по большей части арабы. В тех случаях, когда греческий патриарх не симпатизировал России, русские дипломаты усиливали поддержку арабского населения и оказывали на патриарха давление.

Особенность Александрийского патриархата состояла в том, что большинство местных христиан-арабов принадлежало не к православной, а к монофизитской (коптской) церкви. Православная же община состояла из торговцев-греков, проживавших в Александрии и Каире, людей, как правило, состоятельных и нередко имеющих греческое подданство. Политическая автономия Египта давала большие возможности для развития торговли и привлекала купцов как из Европы, так и из Восточного Средиземноморья. Численность греков в Египте стремительно росла: от примерно 750 человек в середине 1840-х гг. до более 20 000 к 1870-м. В результате уже в начале 1860-х гг. миряне в Александрийском па-

триархате представляли влиятельную силу, которая стремилась самостоятельно управлять церковными делами³. Здесь русским дипломатам приходилось иметь дело не с противостоянием греческого духовенства арабской пастве (как в Антиохийской и Иерусалимской церквях), но с борьбой партий греков между собой⁴. Эта новая буржуазия, хотя и имевшая некоторые торговые связи в России, всё более ориентировалась на английское и французское направление в своих торгово-коммерческих делах. Многие из них были подданными Греческого королевства и разделяли прозападную политику греческого правительства. Процесс секуляризации церкви, который в то же самое время происходил в Константинополе, не мог не затронуть и Александрийский патриархат⁵. Первая попытка ограничения власти патриарха была предпринята в 1857 г.; она была отвергнута патриархом Иерофеем II и привела к очередному назначению патриарха из Константинополя. В 1866 г. греческие общины Египта разработали ряд условий для вступления на престол нового патриарха, согласно которым ему предоставлялась духовная власть, а общинам — управление финансами церкви; на этот раз документ был патриархом подписан. Таким образом, возможности русских дипломатов в Египте влиять на церковно-политическую ситуацию были не так велики.

До Крымской войны отношения русского правительства с Александрийским патриархатом сводились почти исключительно к материальной поддержке этого, казалось бы, погибающего острова православия на Ближнем Востоке. Документы Св. Синода, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (далее РГИА), позволяют детально проследить все этапы отправки денег в Египет. В 1839 г. по ходатайству Александрийского патриарха Иерофея I на восстановление патриаршей церкви Св. Николая было послано из духовно-учебных капиталов десять тысяч рублей ассигнациями⁶. В том же 1839 г. от Киевской, Московской, Петербургской и Черниговской епархий было послано большое количество церковных сосудов и облачений, а митрополит С.-Петербургский Софроний лично пожертвовал 3 тыс. руб. ассигнациями. В 1840 г. патриарх Иерофей снова обратился в российский Св. Синод с просьбой об оказании пособия на учреждение греко-арабской школы в Александрии, однако получил отказ. В 1841 г. он возобновляет свое ходатайство, однако оно снова было отложено, причем причиной было указано одновременное оказание помощи Антиохийской патриархии⁷.

В 1843 г. патриарху Иерофею было отправлено пособие для содержания монастырей св. Саввы и св. Георгия по палестинскому штату. Палестинские штаты были назначены в 1735 г. для упорядочения выдачи милостинных дач церквям и монастырям христианского Востока. Пересылка денег монастырям (по утвержденному списку) осуществлялась через русского посланника в Константинополе раз в пять лет. Однако часто деньги не высылались более длительные промежутки времени; тогда патриархи и игумены обращались в Синод с особой просьбой. Так случилось и на сей раз: патриарх Иерофей обратился

к генеральному консулу в Бейруте К. Базили с просьбой о выдаче милостинной дачи за 1834 г. По наведенным справкам оказалось, что монастыри св. Георгия в Каире и св. Саввы в Александрии по палестинскому штату получали по 35 руб. в год каждый. Было, таким образом, решено отправить Александрийскому патриарху дачу за девять лет — с 1834 по 1843 г. в размере 630 руб. серебром⁸.

После смерти патриарха Иерофея I в 1845 г. наступил очередной кризис и со стороны Константинопольского патриарха произошла очередная попытка ограничить церковную независимость Александрии. Константинопольский патриарх Анфим отказывался утвердить избранного преемника патриарха Иерофея, что вынудило местное духовенство обратиться к российскому Св. Синоду с просьбой о помощи. В своем письме к обер-прокурору Св. Синода Н. А. Протасову К. В. Нессельроде подчеркивал, что он дал указания посланнику в Константинополе принять все меры к тому, чтобы преемник блаженному Иерофею был утвержден⁹. 15 мая 1847 г. новый патриарх Иерофей II (тезка своего предшественника) обратился к российскому Синоду с известительным посланием о своем избрании¹⁰. Увеличение численности православной общины Египта и благоприятные условия, в которых находилось там христианское население, позволили новому патриарху значительно укрепить положение церкви. При Иерофее II в Египте были учреждены епископские кафедры, что способствовало церковной самостоятельности Александрийского патриархата.

Материальная поддержка греческих купцов не отменила традиции обращения к России за материальной помощью. Первой заботой нового патриарха было обратиться к российскому Св. Синоду и императору Николаю I с просьбой о материальной помощи на окончание строительства церкви в Александрии¹¹. По обычаю, патриарх горько жаловался на тяжкие беды своей церкви, на опасность со стороны католиков и протестантов, которые обращают население в свою веру, на притеснения со стороны турок. В письме на имя обер-прокурора он перечисляет церковные предметы, необходимые для александрийской церкви — большой крест, плащаница, 70 икон, два колокола, священные сосуды и облачения¹². Иерофею было отказано в исполнении его просьбы: в решении Синода от 13 марта 1850 г. указывалось, что Св. Синод не располагает необходимыми суммами¹³.

Дело сдвинулось с мертвой точки благодаря ходатайствам со стороны дипломатического ведомства. В первой половине 1850 г. известный русский ученый-востоковед и церковный политик, начальник первой русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий Успенский совершил путешествие в Египет¹⁴. В Каире он встретился и с александрийским патриархом. Тот изложил Порфирию нужды своей церкви — окончание строительства храма, восстановление монастыря Св. Георгия, организацию греко-арабской школы. Порфирий отнесся к просьбам с полным сочувствием и написал письмо посланнику в Константинополе В. П. Титову¹⁵. Патриарх Иерофей от своего лица обратился к императору Николаю I и в Синод с посланиями, в которых под-

робно описал свои нужды: содержание церкви и патриаршего дома, а также училища для мальчиков в Каире и двух училищ и больницы в Александрии. Здесь же патриарх подчеркивал, что в городах Дамiette и Суэце вовсе не было православных храмов, а многие другие церкви нуждаются в облачениях, иконах и сосудах. Поэтому он просит разрешения послать епископа на несколько лет в Россию для сбора подаяний. На сей раз, благодаря усиленным ходатайствам архимандрита Порфирия, консула в Бейруте и посланника в Константинополе В. П. Титова, просьба патриарха была удовлетворена. Он получил разрешение прислать в Москву епископа сроком на 2 года. Среди доводов в пользу такого решения Св. Синод на первом месте указал необходимость поддержать православие в области, в которой христиане находятся в окружении мусульман и необходимо противостоять пропаганде западных миссионеров. Указывалось также, что Антиохийская и Иерусалимская патриархии уже посылали в Россию подобным же образом архиерея для сбора подаяний¹⁶.

Для сбора пожертвований в Россию патриарх Иерофей назначил епископа Фиваидского Никанора с двумя спутниками — иеромонахом Агафангелом Властарем (впоследствии заменен на архимандрита Дионисия) и иеродиаконном Хрисанфом Пилиадом¹⁷. 29 ноября 1852 г. епископ Никанор со своими спутниками отправился из Константинополя, а 28 декабря прибыл в Александроневскую лавру для представления митрополиту Санкт-Петербургскому¹⁸. Согласно установленным правилам, Никанор поселился в Москве в Знаменском монастыре на Варварке и должен был записывать полученные им приношения в специальную шнуровую книгу. Объявление с приглашением к пожертвованиям было помещено в «Московских ведомостях» (1853. № 13). Однако епископский сан не позволял Никанору лично обходить дома, или путешествовать по стране, как делали игумены монастырей; служить в московских церквях ему без разрешения митрополита также не дозволялось. Поэтому он решил разослать губернаторам различных российских губерний просьбы о содействии к сбору пожертвований.

13 января 1854 г. епископ Никанор обратился к обер-прокурору Св. Синода Н. А. Протасову с просьбой помочь разрешению имущественного спора монастыря Ханку в Молдавии, который принадлежал Александрийской патриархии, с помещиками Кантакузинскими¹⁹. Восточные церкви и монастыри еще с XVII–XVIII вв. владели большими земельными угодьями в княжествах Молдавии и Валахии, которые первоначально были дарованы им местной знатью (греками-фанариотами) в качестве «преклоненных имений» для оказания материальной помощи. Эти угодья, занимавшие около ¼ территории княжеств, управлялись присылаемыми греческими игуменами, а доходы полностью употреблялись на содержание монастырей или церквей-владельцев. В XIX в. местные бояре стали настаивать на том, чтобы часть доходов с преклоненных имений использовалась для устройства школ, больниц и других нужд населения. Нередко возникали имущественные споры. До Крымской войны Молдавия

и Валахия находились в составе Османской империи, сначала под протекторатом, а затем под сильным влиянием России. Русская дипломатия и администрация в княжествах в этих спорах стояли всегда на стороне греческих владельцев-игуменов. Причина заключалась отчасти в нежелании поддерживать молдавскую и валашскую аристократию, а отчасти в принципе поддерживать православную церковь за границей. После Крымской войны, с прекращением влияния России в княжествах, преклоненные имения были конфискованы румынским правительством²⁰. Просьба епископа Никанора пришлась как раз на самый конец благоприятного для восточных владельцев периода; вряд ли русское правительство могло помочь монастырю Ханко.

Война не позволила епископу Никанору возвратиться в Александрию в 1854 г., по истечении двухлетнего срока его пребывания в России. По представлению Московского митрополита Филарета Дроздова Синод разрешил ему остаться в Москве еще на два года²¹. Одновременно Никанор обратился с просьбой о предоставлении Александрийскому патриархату подворья в Москве с участком земли²². Предоставление подворья православным церквям Востока было практикой не менее устоявшейся, чем временный сбор пожертвований. В XVII в. в Москве было несколько таких подворий — самое известное из них Никольский Иверский монастырь, принадлежащий Иверскому монастырю на Афоне. В XIX в. подворья имели Иерусалимский (при храме Воскресения Словущего, с 1818 г.) и Антиохийский (при церкви Ипатия Гангрского, с 1849 г.) патриархаты, а несколько позднее (с 1882 г.) и Константинопольский патриархат. Основание подворья на долгие годы вперед (как казалось, навсегда) решало материальные проблемы патриархата; московские купцы как русского, так и греческого происхождения охотно жертвовали на поддержку православия на Востоке. Митрополит Филарет поддержал просьбу о предоставлении Александрийскому патриархату подворья, и 21 мая 1855 г. учреждение подворья получило высочайшее утверждение. «Преосвященный митрополит Филарет, — говорилось в указе об учреждении подворья, — по вниманию к нуждам Александрийской патриархии, признаёт справедливым, при настоящем скорбном положении Восточной иерархии, оказать оной в сем случае братолюбное расположение Российской Церкви, и согласно ходатайству епископа Никанора, испрашивает разрешения находящуюся в Москве, близ Солянки, бесприходную Николаевскую церковь, что в Подкопаях, которая приписана к приходской Иоанно-Предтеченской церкви бывшего Ивановского монастыря, предоставить с принадлежащею к оной землею в количестве 940 квадр. сажень, в пользу Александрийской патриархии, для устройства при оной подворья, на том основании, как таковые учреждения существуют там для других патриархий»²³.

Обстоятельства военного времени прервали регулярное сообщение между Россией и александрийским патриархом, находившемся на территории Османской империи. Встал вопрос о способе передачи ему денег, собранных за время пребывания епископа Никанора в Москве. Возникла идея передать их через рус-

скую миссию в Афинах (Греция в войне не участвовала, потому русская миссия там осталась)²⁴. Вопрос о пересылке денег будет еще неоднократно обсуждаться в переписке МИД и Синода, а между тем Никанор, по истечении второго двухгодичного срока своего пребывания в России, снова просил о продлении ему разрешения собирать пожертвования. Разрешение было ему и на сей раз дано, принимая во внимание необходимость устройства подворья в Москве²⁵. Вопросом о пересылке в Египет собранной епископом Никанором суммы денег в Синоде занялись по окончании войны, 31 марта 1857 г. обер-прокурор А. П. Толстой доложил на заседании Синода, что в период с 1853 по 1856 г. было собрано 47 686 руб. 50 к. серебром, что из сей суммы патриарх желал употребить 32 771 руб. 46 к. серебром на улучшение православных училищ в Египте, остальную же часть на поддержание своего патриаршего престола. Иерофей II просит Синод о высылке этой суммы²⁶. После проведения ревизии часть денег была выслана.

В октябре 1857 г. Египет посетил настоятель русской посольской церкви в Афинах Антонин Капустин. В Каире он побывал у патриарха Иерофея²⁷, а чуть позже погостил несколько дней у русского консула в Александрии Н. К. Гирса. В своем дневнике Антонин оставил следующую запись, ярко характеризующую положение патриарха и роль России в Александрийской церкви того времени: «Я не замедлил передать ему (Гирсу. — Л. Г.) поклон его блаженства патриарха и папы Александрийского, заметив при этом, что как видно, блаженнейший очень уважает его. «Конечно, уважает. Через меня получает свои 30 000 рублей ежегодного дохода... Совсем слабый человек. Управляют им родственники торгаши, которые всячески домогаются прибрать денежки к своим рукам... Вот и нужно лавировать, чтобы и денег не дать, и с патриархом иметь мир. Мне, впрочем, помогает в этом случае мое протестантство. Недостаток доверия к нему он приписывает моему неправославию и, конечно, поносит меня»²⁸. Вернувшись в Афины, Антонин написал обер-прокурору А. П. Толстому донесение по итогам своей поездки в Палестину и Египет, в котором он сравнил Александрийский патриархат с оазисом, всё более заносимым песками, который, на его взгляд, будет держаться до тех пор, пока его поддерживает Великая (т.е. Константинопольская) церковь и русское правительство. «Престол Александрийский, — писал Антонин, — по выражению (может быть, несколько льстивому) самого патриарха Александрийского, стоит Россией». Слабость Александрийской церкви состоит в ее малочисленности: по наблюдениям Антонина, православных в Каире было так мало, что их не доставало и для единственной церкви в здании патриархата. Засилье же мирян («пришлых греков») в александрийской общине представлялось Антонину крайне тревожным. «С горечью в душе надобно убедиться, что почти нет надежды на распространение патриаршества по Египту. Элемент греческий и был и есть чужой для этой страны, а он неразделен с понятием Александрийской церкви», — продолжал он. Будущее, как считал автор донесения, может быть только в поддержке недавно образованной арабской православной общины²⁹.

В 1857 г. патриарх Иерофей II хотел отказаться от престола по причине болезни и назначить своим преемником Ливийского митрополита Афанасия. Тогда александрийские греки впервые выставили патриарху ряд требований, при исполнении которых могла состояться передача престола. Патриарх эти условия не принял и скончался 1 января 1858 г., так и не назначив себе преемника. Это положило начало расколу в среде египетских православных — одни встали на защиту старого порядка, другие ратовали за реформы. Следующий патриарх, Каллиник, был назначен из Константинополя³⁰. 8 декабря 1858 г. он обратился к российскому консулу в Александрии с просьбой переслать ему остальную часть денег, необходимых для строительства церкви в Мансуре. Согласно этому письму, общая сумма пожертвований, собранных епископом Никанором за 8 лет пребывания в России, составляла 63 627 руб. 69 к.³¹ В Синоде медлили с пересылкой денег, что побудило Каллиника в 1859 г. отправлять аналогичные просьбы несколько раз³². С своей стороны российский консул в Александрии А. Е. Лаговский написал письмо в поддержку патриарха, указывая на то, что с прекращением доходов из Молдавии и Валахии Александрийский престол испытывал особо острую нужду в денежных средствах³³. Наконец 25 сентября 1859 г. на заседании Св. Синода был заслушан доклад исполняющего должность обер-прокурора С. Н. Урусова, в котором говорилось, что деньги, собранные епископом Никанором, в размере 48 520 руб., полностью отправлены патриарху Каллинику³⁴.

Итак, результат десятилетнего пребывания епископа Никанора в России был весьма внушительным. Общая сумма пожертвований в пользу Александрийской церкви, составила 82 064 руб. 21 к. (из них 32 882 руб. были отправлены патриарху Иерофею II, а 49 182 руб. 21 к. после его смерти — патриарху Каллинику). В Москве Александрийская патриархия получила подворье, при котором был выстроен дом. Как же были использованы собранные деньги?

В письме к А. Н. Муравьеву (известному путешественнику, историку церкви и давнему покровителю восточных иерархов) епископ Никанор выражает беспокойство по поводу судьбы денег, отосланных патриарху Каллинику³⁵. 16 декабря 1861 г. российский консул в Бейруте Н. Муханов предупреждает обер-прокурора о необходимости контролировать расход средств, присылаемых в Александрийскую патриархию из России³⁶. Однако, как оказалось, спохватились слишком поздно. Получив огромную сумму в 49 182 руб. из России и еще около 90 000 руб. серебром из имений патриархата в Румынии, патриарх Каллиник подал в отставку и уехал на свой родной остров Митилину. В начале 1862 г. министр двора В. Ф. Адлерберг, известный своими пожертвованиями в пользу православного Востока, получил письмо от двух благотворительных обществ в Египте, в котором сообщалось о случившемся³⁷. Удивительно, но даже после этого в 1862 г. епископ Никанор получил в очередной раз разрешение на продление срока пребывания в России с целью сбора подаяний в пользу Александрийского патриархата³⁸. Разразившийся скандал имел толь-

ко одно следствие — в 1863 г. александрийскому патриарху Иакову, обратившемуся через А. С. Норова на имя императрицы с просьбой о помощи монастырю Св. Саввы, было отказано. В связи с этим обращением были еще раз наведены справки об использовании денег, собранных Никанором в России. Оказалось, что деньги, полученные патриархом Иерофеем, были использованы на покупку участка земли близ Танта, проценты с доходов с которого шли на поддержку христиан в различных городах Египта; были отремонтированы монастыри Св. Георгия и Св. Саввы, здание патриархии и ее церкви св. евангелиста Марка, расширена больница в Александрии, построена православная церковь в Мансуре. Что касается суммы, полученной патриархом Каллиником, то подтвердились сведения об ее похищении³⁹.

Прошло еще два года, и снова встал вопрос о продлении срока пребывания Никанора в Москве. На сей раз чаша терпения церковных властей оказалась переполнена. Митрополит Филарет Дроздов, главный авторитет в церкви того времени, написал резкий отзыв по этому поводу:

- «1) Преосвященный Никанор Епископ Фиваидский производит сей сбор более десяти лет. Очень довольно в сравнении с другими.
- 2) Он собрал 117 872 руб. Очень довольно.
- 3) Из сей суммы препровождено в патриархию 81 487 руб. Сведения о употреблении сих денег в пользу Патриархии не удовлетворительны. А по частным сведениям, доходившим до Преосвященного Фиваидского, значительная часть сей суммы употреблена по личным видам, особенно при перемене личностей на Патриаршем престоле и окрест его.
- 4) По предосторожности, чтобы оставшийся в руках Преосвященного Фиваидского капитал, по отправлении его в Александрийскую патриархию, не подвергся растрате, не полезной для Александрийской церкви, Преосвященный Фиваидский полагал нужным и полезным построить на сии деньги на Александрийском подворье в Москве дом, приносящий доход, которым бы Патриархия пользовалась ежегодно, не имея возможности разрушить основание сего дохода. Он требовал на сие моего согласия: но я отвечал, что я не имею на сие права, и что даже Святейший Синод едва ли решится утвердить сие, без сношения с Патриархом. Но Преосвященный опасался, что вследствие такого сношения, деньги будут истребованы и скроются во мраке. Посему он принял и исполнил решение, может быть, смелое пред Патриаршею властью, но благонамеренное, — построить четырехэтажный дом»⁴⁰.

Интересно, что сам «смелый поступок» Никанора — строительство дома — был одобрительно воспринят строгим митрополитом Московским, который был лично очень расположен к епископу Никанору. Ввиду вышеизложенного митрополит Филарет не считал возможным дальнейшее пребывание Никанора в России; для управления подворьем следовало прислать из Александрии игумена или архимандрита.

***

Так окончился почти 11-летний сбор пожертвований в пользу Александрийской патриархии. На его место настоятелем московского подворья был назначен архимандрит Даниил⁴¹. Эта кандидатура оказалась неудачной. Вскоре была предпринята попытка отозвать его под предлогом молодости и неопытности⁴². Поскольку комбинация, которая предусматривала замену Даниила епископом Амфилохием (в то время викарий Александрийского престола) не удалась, то на время про Даниила в Александрии забыли. Через три года, однако, оказалось, что он не высылал в Египет не только никаких пожертвований, но и доходов с подворья, составлявших около 3 тыс. руб. в год. Ввиду этого патриарх Никанор просил позволить ему провести расследование относительно этих денег и личности Даниила⁴³. Расследование было поручено не доверенному лицу патриарха, а двум московским благочинным — архимандриту Спасо-Андрониева монастыря Иннокентию и протоиерею Платону Капустину (брату начальника духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина). Комиссия, тщательно исследовавшая состояние церкви подворья и его финансовых бумаг, не выявила особенных хищений или сокрытий денег. Единственное, что вменялось в вину настоятелю, было неправильное ведение бухгалтерии и неотсылка им пожертвований на поминовение усопших к патриарху. На это он, впрочем, отвечал, что при своем назначении не получил никаких инструкций касательно управления подворьем⁴⁴. Уволенный от должности настоятеля, Даниил был отправлен в Покровский монастырь. Летом 1869 г. он заболел и находился на излечении в водолечебнице доктора Редлиха. По выздоровлении, 5 августа он выбыл из заведения, однако в Покровский монастырь не вернулся и скрылся, так и не отправив в патриархию никаких денег⁴⁵.

Дальнейшая судьба епископа Никанора была печальной. В конце 1865 г. он был возведен на Александрийский патриарший престол. В России всем казалось, что лучшей кандидатуры нельзя было пожелать: зарекомендовавший себя с лучшей стороны архиерей, проживший много лет в Москве, должен был во всем прислушиваться к советам из России. Получив сообщение об избрании Никанора, митрополит Филарет немедленно дал знать в Синод, настоятельно напоминая о необходимости дипломатической поддержки его в Константинополе. Никанора при этом он рекомендовал как человека «добродушного и бескорыстного»⁴⁶. 21 января 1866 г. министр иностранных дел канцлер А. М. Горчаков препроводил в Синод письмо консула в Александрии, подтверждающего это избрание; в нем также выражалась надежда, что управление Никанора будет выгодно отличаться от его предшественников, особенно в отношении присылаемых из России пожертвований⁴⁷. Во избежание материальных злоупотреблений александрийская православная община настаивала на подписании будущим патриархом условий своего управления, согласно которым денежные средства церкви будут ею контролироваться. Целью этого условия было мак-

симально отделить духовную власть от светской; последняя переходила почти полностью в руки мирян-руководителей православной общины. Подписав этот документ, Никанор надеялся избавиться от светского совета, однако ему это не удалось.

Избрание Никанора не встретило противодействия со стороны Константинопольского патриарха; в Египте также не было другой кандидатуры, которая могла бы соперничать с епископом Никанором. Таким образом, ему оставалось только приехать и подписать условия, выставленные местной общиной⁴⁸. Тем не менее петербургский митрополит Исидор настаивал на скорейшем переезде Никанора в Египет и опасался, что затишье в Константинополе непродолжительно, особенно ввиду того, что его утверждение еще не состоялось. Поэтому он рекомендовал, чтобы Никанор не задерживался ни в Петербурге, где ему готовились торжественные проводы благотворителем Д. Е. Бенардаки, ни в Вене, где местные греки также могли устроить ему овации⁴⁹.

В Египте Никанора ждали трудности, вызванные в первую очередь его неопределенным положением. С одной стороны, он всё еще не получил официального утверждения из Константинополя и берата — официального документа, дающего права на патриаршество. С другой стороны, местные православные уже оказывали ему патриаршеские почести; такие же почести был готов оказать вице-король Египта Измаил-паша⁵⁰. Наконец, малейшей искры было достаточно, чтобы вновь разгорелась тлевшая старая вражда между партиями местных православных. Оказавшись в таком клубке интриг, патриарх долгое время не решался поехать в Каир, чем сильно оскорбил вице-короля. Александрийская община совершила в церкви над Никанором обряд вступления его на престол, чем вызвала негодование своих противников, не замедливших оклеветать его перед вице-королем как послушное орудие России. «Что же касается до святейшего Никанора, то слабый, больной и испуганный затруднениями, встреченными им при первых шагах, он только плачет и сожалеет о спокойном положении своем в Москве, которое его принудили променять на существование, исполненное кознями и всякого рода обманутыми надеждами», — докладывал российский консул в Александрии⁵¹. После некоторых переговоров и не без участия русских дипломатов Измаил-паша склонился к тому, чтобы выдать патриарху Никанору берат. Дело казалось улаженным⁵².

Однако отвыкший от жаркого климата престарелый патриарх получил один за другим два инсульта, которые лишили его возможности самостоятельно действовать⁵³. Болезнью патриарха не замедлили воспользоваться: амбициозный архимандрит Мелетий из монастыря св. Саввы в Александрии убедил Никанора написать письмо к патриарху Антиохийскому с просьбой поставить его в епископы, с тем чтобы стать патриаршим викарием и завладеть делами Александрийской церкви. Мелетий был уже на пути в Бейрут, когда дубликаты этих писем, спрятанные Никанором под тюфяком своей кровати, были обнаружены патриаршим викарием епископом Амфилохием Пелусийским⁵⁴. Он призвал

в свидетели сотрудника русского консульства А. Н. Николаева и греческого консула Н. Зигомалу, которые начали расспрашивать Никанора о причинах его поступка и составлять протокол. Однако толку от Никанора они не добились, потому что он то отрицал свою причастность к составлению этих писем, то, напротив, подтверждал ее⁵⁵. Между тем рукоположение Мелетия было благополучно совершено антиохийским патриархом, и, вернувшись в Александрию, он стал правой рукой Никанора. Вопреки протестам большинства духовенства, в том числе епископов каирского и дамиетского, Мелетий вскоре был назначен патриаршим викарием⁵⁶.

Известия из Александрии вызвали тревогу в России. Митрополит Филарет настойчиво советовал сделать всё возможное, чтобы не допустить Мелетия и оставить викарием «благонамеренного» епископа Амфилохия, которого желавшие избавиться от него противники прочили настоятелем московского подворья. Московский митрополит предупреждал о невозможности командировать Амфилохия в Москву ввиду его епископского сана. По мнению Филарета, систематические многолетние сборы пожертвований в России вообще должны были закончиться. «В течение нашего столетия был один Епископ посланник от Иерусалимского Патриарха, один от Антиохийского, один от Александрийского, и получили от России большие суммы, особенно первый и последний. Если вскоре допустить другого Епископа посланника из Александрии, того же пожелают и другие Патриархи, и это поведет к тому, что три или четыре Патриарха непрерывно будут стужать православным россиянам, и собирать с них поборы», — писал он⁵⁷. Неудивительно, что в такой напряженной обстановке и на фоне огромных денежных хищений и беспорядков ни о каких новых жертвованиях из России и речи быть не могло. В июле 1866 г. обер-прокурор Д. А. Толстой получил прошение за подписью патриарха Никанора о помощи на строительство православного храма (в память избавления Александра II от опасности), а также устройство арабского училища в Александрии. Аналогичная просьба была адресована А. М. Горчакову. Ответ был сухим и лаконичным: Синод не располагает необходимыми для этого средствами⁵⁸.

В ноябре 1866 г. в Александрию прибыл новый консул, И. М. Лекс. Он был близко знаком с Н. П. Игнатьевым, с которым вместе учился в Пажеском корпусе, и, кроме того, имел за плечами несколько лет дипломатической службы в Галаце (Молдавия), где он непосредственно познакомился не только с местным, но и греческим духовенством⁵⁹. В Александрии Лекс сразу попал в водоворот церковных событий. Патриарха Никанора он застал в самом плачевном состоянии: больной физически и расслабленный умственно, он был игрушкой в руках интриганов и противоборствующих партий. Единственный выход представлялся в назначении ему достойного викария, который бы упорядочил дела церкви. Н. П. Игнатьев предлагал кандидатуру архимандрита Евгения ксиропотамского, который уже исполнял эту должность в течение года при патриархе александрийском Каллинике (в 1861 г.) и высказывал константинопольскому

послу «чувства преданности и уважения к России». Мнение Игнатъева разделял Константинопольский патриарх Григорий VI (вторично взошедший на престол 10 февраля 1867 г.). Командирование Евгения было положительно воспринято частью обеих египетских православных общин (александрийской и каирской) и поддержано вице-королем, но встретило, как и следовало ожидать, резкое неприятие со стороны окружения патриарха Никанора и него самого⁶⁰. Что касается И. М. Лекса, то он поначалу не видел особых причин бороться против окружения патриарха и Мелетия: «Наместник его (патриарха. — Л. Г.) Мелетий, — умный и хитрый грек, не пользующийся большим уважением, но так как он льнет к нам, и так как патриарх за него сильно стоит, то, по мнению моему, его следует оставить еще пока на месте, имея, впрочем, в запасе Евгения, на случай, если греки не захотят более Мелетия»⁶¹. К Евгению, ранее нажившему состояние в дунайских княжествах и пользующемуся сомнительной славой после исполнения должности викария при патриархе Каллинике, Лекс на первых порах относился весьма настороженно. «Что же касается до Евгения, которого Вы мне присылали в Константинополе, то он не пользуется в Египте хорошей репутацией, и его лучше оставить пока в стороне», — продолжал он в следующем донесении⁶². Одним словом, было очевидно, что оппозиция архимандриту Евгению была серьезной, и к его приезду следовало ожидать беспорядков.

По прибытии в Египет (в апреле 1867 г.) Евгений, имевший при себе официальный берат от Порты и рекомендательные письма от Вселенского патриарха и посла Н. П. Игнатъева, был ласково принят местными властями, а также в русском консульстве в Александрии. Некоторое время он находился в Александрии, но официальное введение его в должность откладывалось ввиду противодействия его противников, — уже упоминавшегося епископа Мелетия и недавно прибывшего из Валахии ливийского митрополита Афанасия. Тогда Евгений потребовал от египетских властей удалить их, что спустя некоторое время было выполнено — 18 июня 1867 г. они были арестованы и высланы из Египта. Поселившись в патриархии в Александрии (имущество которой было к тому моменту в значительной мере расхищено его недоброжелателями), Евгений всё еще не получил доступа к управлению в Каире⁶³. Наконец, при посредничестве русского генерального консула и по приглашению Шериф-паши Евгений прибыл в Каир. Он был встречен представителями вице-короля, которые проводили его к зданию патриархии. Там, однако, его ожидала оппозиция, которая, усадив престарелого патриарха Никанора на скамейке у ворот, не желала пускать нового викария. Лишь после применения силы и ареста четырех главных зачинщиков протестов (в ходе сопротивления один митрополит был избит, а патриарху повредили руку) префект полиции смог обеспечить Евгению вход в патриархию⁶⁴. Испуганный патриарх в тот же день возвратился в Александрию, а четверо арестованных, оказавшихся греческими подданными, были к вечеру отпущены. По настоянию греческого консула и с согласия российского представителя по делу было возбуждено следствие, не выявившее,

впрочем, никаких злоупотреблений со стороны египетских кавасов⁶⁵. История насильственного водворения архимандрита Евгения в Каире подробно описана во многих документах, прежде всего в многочисленных жалобах и протестах, разосланных от лица патриарха Никанора и его сторонников российскому послу в Константинополе, А. М. Горчакову, в Св. Синод, и на имя императора Александра II. В этих письмах история представлена во всех красках как неслыханное уголовное дело, злодеяние и издевательство над личностью патриарха Никанора⁶⁶. В частности, в них говорилось, что патриарху, находившемуся при нем триполийскому митрополиту Феофану и двум монахам были нанесены палочные удары, а российский орден св. Анны, который он носил на груди, был втоптан в грязь. Для разгона толпы, сообщал патриарх, власти Каира послали 400 солдат⁶⁷. Пространные письменные жалобы от лица Никанора были адресованы вице-королю, в которых говорилось о несправедливых притязаниях Константинополя, посягающего на независимость Александрийской церкви, о насильственном внедрении Евгения⁶⁸. Жалобами на бесчинства Евгения был засыпан и российский генеральный консул — как от патриарха, так и от членов православных общин, от дам православного исповедания и пр.⁶⁹ Каждое письмо, многословное и порой дословно повторяющее одни и те же фразы, сопровождалось множеством подписей. Русское правительство приняло решение не вмешиваться в конфликт. Все письма, полученные от Никанора в России, были оставлены без ответа и последствий. Без внимания была оставлена и попытка А. Н. Муравьева вступить за Никанора: на его письме к обер-прокурору стоит помета: «Г. Муравьев не имеет никакого права вмешиваться в не подлежащее ему дело; потому оставить без последствий. 20 сентября 1867 года»⁷⁰.

Как только Н. П. Игнатъев получил сообщение о произошедших в Каире событиях, он понял, что с прибытием Евгения беспорядки не только не прекратятся, но, напротив, только усилятся. Сведения, доставленные патриархом и архимандритом Нилом, ему показались преувеличенными, однако он предупредил И. М. Лекса о щекотливости положения российской стороны и необходимости соблюдать крайнюю осторожность. «Исключительной заботой Вашей должно быть соблюдение достоинства Православной Церкви и ограждение Патриаршего сана от оскорбления или унижения. Все Ваши действия должны служить выражением и доказательством этого постоянного и бескорыстного стремления в глазах не только православного духовенства и паствы, но также и иноверцев. В этом отношении факт участия вооруженной силы при водворении арх. Евгения представляет грустное явление», — писал он⁷¹. Следуя полученным инструкциям, Лекс не только не бездействовал, но продолжал принимать весьма активное участие в событиях. Он безуспешно пытался уговаривать патриарха и членов епитропий признать Евгения, даже ездил для этого в Каир⁷². Давление его на патриарха произвело только обратный эффект: Никанор отвечал ему угрозами, что он поедет в Россию жаловаться государю императору.

23–29 июля был созван поместный собор Александрийской церкви, на котором Евгений был предан отлучению, равно как и два архиерея, которые его поддерживали — Амфилохий Пелусийский и Спиридон Киринейский⁷³. На защиту Никанора встал иерусалимский патриарх Кирилл, что создало неприятную ситуацию для русской дипломатии: ведь Кирилл считался русофилом. Поддержку Никанору оказал и антиохийский патриарх Иерофей, тоже считавшийся другом России⁷⁴.

Православные общины Александрии и Каира оказались, таким образом, расколоты на два лагеря — сторонников Евгения и его противников. Трудно сказать, на чьей стороне был перевес; скорее всего, многие переходили из одного лагеря в другой в зависимости от хода распри. Если судить по жалобам, рассылаемым от имени патриарха Никанора, сторонников Евгения была незначительная группа, которая действовала, опираясь исключительно на местное правительство; если же верить донесениям из российского генерального консульства, которое поддерживало Евгения — на его стороне было большинство населения.

Постепенно стало очевидно, что командирование Евгения в Египет было ошибкой. Российским дипломатам, однако, не оставалось ничего другого, как «делать хорошую мину при плохой игре» и выжидать, пока чаша весов не склонится на сторону Евгения. «В Александрии число сторонников архимандрита Евгения, по-видимому, увеличивается вследствие злоупотреблений, обнаружившихся в администрации лиц, окружающих патриарха, которые, пользуясь его болезненным состоянием, расхитили значительные вклады, — докладывал старший секретарь российского посольства в Константинополе Е. Е. Стааль. — Отец Евгений, вероятно, будет находить средства, чтобы удержаться, доколе египетское правительство не сделается к нему нерасположенным. Впрочем, если он и удалится, мир не может быть восстановлен, если с своей стороны и Патриарх Никанор не сделает того же, и если в Александрии не будет новых выборов»⁷⁵. Однако, вопреки ожиданиям, большинство духовенства и мирян в Египте по-прежнему были настроены против архимандрита Евгения, и Константинопольский патриарх счел необходимым отозвать его. Охладели к Евгению к этому времени уже и в российском посольстве: «Евгений — не более как проходимец. Отвергнутый законным представителем местной церкви, оставленный теперь своим собственным иерархическим начальником, который прежде смотрел снисходительно на его хитрости, этот священнослужитель прежде всего должен удалиться. Если он это сделает, — достоинство Святейшего Никанора будет удовлетворено», — писал в очередной депеше Стааль⁷⁶.

На место архимандрита Евгения сторонниками Никанора еще в начале лета 1867 г. был приглашен другой викарий — архимандрит Нил из Есфигменского монастыря на Афоне⁷⁷. Нил был известен своей деятельностью в комиссии по защите имущественных прав восточных монастырей и церквей в Молдавии и Валахии. Именно ему в июле 1863 г. было поручено отправиться в путешествие в Россию и Европу с просьбой о дипломатической поддержке греческих

владельцев против секуляризации, предпринятой А. Кузой⁷⁸. Ни посол Игнатъев, ни константинопольский патриарх Григорий VI не испытывали к архимандриту Нилу никаких симпатий. Опасаясь еще больших осложнений и всё еще надеясь на успех Евгения, Григорий VI и Н. П. Игнатъев убеждали Нила не торопиться с выездом в Египет⁷⁹. В конце концов архимандрит Нил получил от Порты берат, утверждающий его в должности викария Александрийского престола, а 16/28 марта 1869 г. был рукоположен патриархом Никанором во епископа⁸⁰. Сразу после этого Никанор объявил о своем отречении от патриаршего престола. Египетское правительство приняло его отставку с тем условием, что будут немедленно назначены новые выборы. Духовенство Египта склонялось к тому, чтобы не проводить выборов, а признать Нила преемником патриарха. Лекс, однако, получил от Н. П. Игнатъева указания Нила не признавать⁸¹. Эта предосторожность оказалась не лишней. Как оказалось, Нил был избран, вопреки обычаю, только александрийским духовенством, но не представителями общин. Кроме того, его личность была негодна патриарху константинопольскому, наотрез отказавшемуся признавать его патриархом⁸². Партийная борьба в Египте разгорелась вновь. 16 августа 1869 г. Никанор обратился к российскому Синоду с просьбой о признании Нила⁸³. Однако Синод не торопился, и уже к сентябрю 1869 г. стало ясно, что Нил вряд ли может продержаться долго. Как докладывал Н. П. Игнатъев, «Преосвященный Нил должен теперь платиться за те происки, какие он так деятельно вел против своего предшественника архимандрита Евгения. Если бы отец Нил, следуя советам Императорского посольства, довольствовался только исполнением обязанностей викария, то нет сомнения, патриарший престол достался бы ему, как скоро умирились бы местные смуты. Вселенский Патриарх продолжал бы обнаруживать первоначальную умеренность, и самый ход дел привел бы искателя патриаршего престола к исполнению его желаний. Вместо того, побуждаемый своим честолюбием, Нил захотел сделать насилие ходу обстоятельств. Пользуясь своим влиянием на слабоумного Патриарха Никанора, он убедил его, чтобы он отказался от должности и назначил его своим преемником». Теперь же оппозиция из местных мирян и непризнание со стороны константинопольского патриарха, а также двойственная позиция патриарха иерусалимского сделали его положение более чем шатким⁸⁴.

Патриарх Никанор скончался 28 декабря 1869 г. Митрополит Нил так и не получил столь желанного признания на патриаршем престоле. В конце января началась новая предвыборная кампания и новый этап борьбы. Наконец, на патриарший престол был избран (вернее, назначен из Константинополя, не без посредничества Игнатъева и по согласованию с патриархами Иерусалимским и Антиохийским) бывший Вселенский патриарх Софроний, который прибыл в Александрию 16 октября 1870 г.⁸⁵ Опытный администратор, он сумел примирить враждовавшие партии и управлял Александрийским престолом до самой своей смерти 22 августа 1899 г., в возрасте более 100 лет.

В целом влияние России в Александрийском патриархате середины XIX в. представляется довольно слабым. Держалось оно в основном на потоке денежных пожертвований, которые, как можно заметить, зачастую попросту расхищались. Богатые греческие купцы Александрии не нуждались в помощи со стороны России и мало прислушивались к голосу русского консула — а именно они составляли действующую силу в патриархате. Назначение заведомого русофила-патриарха Никанора, казалось, должно было обеспечить прорусские настроения в среде египетского высшего духовенства, но и здесь русскую дипломатию ожидала неудача. Дело, видимо, было даже не в болезненном состоянии Никанора, а в слабости церкви и отсутствии строгой системы ее организации. Патриарху было явно не под силу привести дела в порядок. Борьба партий и постоянные междоусобицы, ослабляющие православную церковь, главную опору политики на Востоке, не были выгодны России. Стремление умиротворить церковь было важнейшей задачей русской дипломатии, а назначение патриархом того или иного афонского архимандрита, нажившего перед тем себе состояние в дунайских княжествах, вряд ли имело большое значение для русской политики, за исключением тех случаев, когда кандидат проявлял явную вражду к России. В обстановке полного беспорядка и хаоса России оставалось действовать через константинопольского патриарха, который, в свою очередь, стремился подчинить себе Александрийскую церковь. Сотрудничество посла Н. П. Игнатьева с патриархом Григорием VI в этом смысле, однако, тоже не всегда достигало своей цели. Командирование архимандрита Евгения в Египет закончилось полным провалом. Кандидатура архимандрита Нила, в равной мере не устраивавшая ни Игнатьева, ни патриарха Григория, была устранена. И только с назначением нейтральной фигуры патриарха Софрония наступил долгожданный мир.

¹ *Кантперев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; *Ченицова В. Г.* Икона Иверской Богородицы (Очерки истории отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2011; *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011.

² См.: *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

³ Ραδόπουλος Ρ. Εισαγωγή εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἑλληνικῆς κοινότητος Ἀλεξάνδρειας. 1830–1927. Ἀλεξάνδρεια, 1928; *Πορφύριος (Ἰσπενσκί), επ.* Состояние апостольской православно-кафолической Церкви Египетской в первой половине девятнадцатого столетия // Труды Киевской духовной академии. 1868. № 5. С. 197–248; № 10. С. 34–77; № 11. С. 153–188; *Καλλιφρων Β. Δ.* Ἐκκλησιαστικά, ἡ Ἐκκλησιαστικὸν δελτίον. Τ. Α΄–Δ΄. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1869–1870; *Соколов И. И.* 1) Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях: Исторический очерк. Пг., 1916; 2) Александрийские документы, относящиеся к истории православной церкви в Египте в XVIII и XIX столетиях // ППС. 1916. Т. XXI. Вып. 2 (62); *Παπαδόπουλος Χ.* Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἀλεξάνδρειας (62–1934). Ἀλεξάνδρεια, 1935. Подробный обзор библиографии по истории Александрийской церкви в XIX в. см.: *Петрунина О. Е.* Борьба за патриарший престол в Александрийской патриархии во второй

- половине 1860-х гг.: источники и состояние исследований // История Греции в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова: от античности до наших дней (= Труды исторического факультета МГУ. 1991. Сер. 2; исторические исследования. 47). С. 135–148. О закате греческой общины в Египте см.: *Dalachanis A. The Greek Exodus from Egypt. Diaspora Politics and Emigration, 1937–1962. New York — Oxford, 2017.*
- ⁴ *Петрунина О. Е.* Иван Михайлович Лекс и его время // Румыния и Египет в 1860–1870-е годы. Письма российского дипломата И. М. Лекса к Н. П. Игнатьеву. М., 2016. С. 17–20.
- ⁵ О реформах в Константинопольской церкви см.: Σταματοόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Πρός μία ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 2003.
- ⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 11. 2 отд. 2 ст. Д. 28820. Л. 3 об.
- ⁷ Там же. Л. 1–7.
- ⁸ Копия с определения Св. Синода от 7 мая — 14 июля 1843 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 13. Д. 32625.
- ⁹ К. В. Нессельроде Н. А. Протасову. 11 февраля 1847 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 16. 2 отд. 2 ст. Д. 38138.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 1250. Л. 45 греч. оригинал. Л. 6–7 рус. пер.
- ¹¹ Письмо от 25 февраля 1848 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 1250. Оп. 126. Д. 526. Л. 5–6.
- ¹² Там же. Л. 12–17.
- ¹³ Выписка из журнала Св. Синода от 13 марта 1850 г. № 21 // Там же. Л. 42–43.
- ¹⁴ Научные результаты этого путешествия описаны: *Порфирий (Успенский), архимандрит.* Книга бытия моего. Т. IV. СПб., 1896. С. 2–44.
- ¹⁵ Порфирий Успенский В. Титову. 20 апреля 1850 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 131. Д. 1172. Л. 3–4 об. Ходатайство Порфирия имело решающее значение для начала широкомащтабного сбора пожертвований в России для Александрийского патриархата. Сам же архимандрит Порфирий продолжает переписку с патриархом Иерофеем и жертвует от себя деньги, преподносит ему подарки. Для Порфирия Египет представлял интерес в церковно-историческом отношении: постоянной темой переписки является история монастырей св. Георгия и св. Саввы. Кроме того, Порфирий постоянно размышлял о возможности присоединения коптов к православию — разумеется, тоже в пределах Александрийского патриархата. См. письма Порфирия-патриарху Иерофею от 14 января 1851 г. (СПб ФА РАН. Ф. 118. Оп. 1. Д. 53. Л. 97–99 об.); 3 апреля 1851 г. (Там же. Л. 102–103); 27 мая 1852 г. (Там же. Л. 105–106 об.).
- ¹⁶ Выписка из определения Св. Синода 2 ноября — 31 декабря 1850 г. // Там же. Л. 13–17 об., 23–24 об.
- ¹⁷ Л. Г. Сенявин Н. А. Протасову. 23 июля 1852 г. // Там же. Л. 42–42 об. Письмо патриарха Иерофея Н. А. Протасову от 13 октября 1852 г. // Там же. Л. 73–74 об.
- ¹⁸ Рапорт обер-прокурору Н. А. Протасову // Там же. Л. 60.
- ¹⁹ Епископ Никанор — Н. А. Протасову. 13 января 1854 г. // Там же. Л. 111–111 об.
- ²⁰ См. об этом подробнее: *Герд Л. А.* Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х годов и Россия // Вестник православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 2014. Сер. II. История. Вып. 6 (61). С. 7–34.
- ²¹ Выписка из определения Св. Синода 8–15 декабря 1854 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 18. 2 отд. 2 ст. Д. 41807. Л. 123–124 об.
- ²² Епископ Никанор Л. Г. Синявину. 30 октября 1854 г. // Там же. Л. 120.
- ²³ Там же. Л. 137 об. — 138.
- ²⁴ Л. Г. Сенявин А. Карасевскому. 21 января 1856 г. // Там же. Л. 162–162 об.
- ²⁵ Там же. Л. 188–188 об.
- ²⁶ Там же. Л. 195–195 об. Подробная справка о собранных деньгах см. Л. 210–213.
- ²⁷ Запись в дневнике от 24 октября 1857 г.: «Расслабленный патриарх Иерофей принял меня ласково, выговаривал, что я не остановился у него и, узнав, что мы сегодня же от-

- правляемися в Александрию, пожелал мне счастливого пути и приказал кланяться ἐς τὸν ἐκλατφώτατον κύριον Γύρσιον» (*Архимандрит Антонин (Капустин)* Дневник. 1856–1860 / Изд. подг. Л. А. Герд, К. А. Вах. М., 2017 (в печати)).
- ²⁸ Запись от 31 октября 1857 г. // Там же.
- ²⁹ Архимандрит Антонин Капустин — А. П. Толстому. Афины 21 декабря 1857 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 28. 1 отд. 2 ст. Д. 219а. Л. 12–15. Автограф; РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 480. Л. 21–25. Копия.
- ³⁰ См. его известительное послание к российскому Св. Синоду от 10 апреля 1858 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 217. Л. 10–10 об. Греч. оригинал: Л. 5–5 об. Рус. пер.
- ³¹ Письмо патриарха Каллиника от 8 декабря 1858 г. (русск. пер.) // РГИА. Ф. 797. Оп. 18. 2 отд. 2 ст. Д. 41807. Л. 215–216 об.
- ³² Патриарх Каллиник А. П. Толстому. 29 июля 1859 г. // Там же. Греч. ориг. Л. 262–262 об.; Рус. пер. Л. 263–264. Патриарх Каллиник А. П. Толстому. 3 августа 1859 г. // Там же. Греч. ориг. Л. 266–267; Рус. пер. Л. 268.
- ³³ А. Е. Лаговский — А. П. Ковалевскому. 28 июля / 9 августа 1859 г. // Там же. 261–261 об. В конце 1850-х гг. правительство Соединенных княжеств Молдавии и Валахии во главе с господарем А. Кузой взяло курс на конфискацию церковных имений, в первую очередь тех, которые принадлежали восточным монастырям и церквям. Поскольку княжества всё еще находились в вассальной зависимости от Османской империи, в Константинополе в течение нескольких лет заседала международная комиссия, которая пыталась разрешить спор. Только русский представитель в этой комиссии последовательно защищал права греческих владельцев. К концу 1862 г. стало ясно, что их дело безвозвратно проиграно. Прекращение доходов из Молдавии и Валахии нанесло большой ущерб материальному положению патриархатов и монастырей.
- ³⁴ Выписка из журнала Св. Синода 14 / 21 декабря 1859 г. // Там же. Л. 270–270 об.
- ³⁵ Еп. Никанор А. Н. Муравьеву. 26 ноября 1860 г. // Там же. Оп. 22. 1852 г. 2 отд. 2 ст. Д. 360. Л. 6–7 об.
- ³⁶ Там же. Л. 16–16 об.
- ³⁷ Первое известие было получено В. Ф. Адлербергом от двух благотворительных обществ египетских христиан в начале 1862 г. (В. Ф. Адлерберг — обер-прокурору А. П. Ахматову. 20 апреля 1862 г. // Там же. Л. 20–20 об.). Позднее, в конце 1865 г., Адлерберг получил анонимное письмо с дополнительными подробностями (В. Ф. Адлерберг Д. А. Толстому. 24 января 1866 г. // Там же. Л. 68–70).
- ³⁸ Выписка из определения Св. Синода 25 мая — 4 июня 1862 г. // Там же. Л. 30.
- ³⁹ Там же. Оп. 33. 2 отд. Д. 29. Л. 10–10 об.
- ⁴⁰ Митрополит Филарет С. Н. Урусову. 19 октября 1864 г. // Там же. Оп. 22. 1852 г. 2 отд. 2 ст. Д. 360 Л. 37–37 об.
- ⁴¹ Патриарх Иаков Св. Синоду. 11 марта 1865 г. // Там же. Л. 51–51 об.
- ⁴² Патриарх Никанор Д. А. Толстому. 30 июня 1866 г. // Там же. Оп. 36. 2 отд. 3 ст. Д. 186. Л. 2–3 об.
- ⁴³ Копия с отношения Н. П. Игнатьева 12 ноября 1868 г. // Там же. Л. 24.
- ⁴⁴ Иннокентий митрополит Московский Д. А. Толстому. 18 февраля 1869 г. // Там же. Л. 26–30 об.
- ⁴⁵ Иннокентий митрополит Московский Д. А. Толстому. 2 декабря 1869 г. // Там же. Л. 33–34.
- ⁴⁶ Митрополит Филарет — Д. А. Толстому. 29 января 1866 г. Там же. 1866 г. 2 отд. 3 ст. Д. 26. Л. 1–2.
- ⁴⁷ Копия письма генерального консула в Александрии 21 января 1866 г. // Там же. Л. 7–7 об.
- ⁴⁸ Н. П. Игнатьев П. Н. Стремоухову. 8 февраля 1866 г. // Там же. Л. 21–21 об.
- ⁴⁹ Митрополит Исидор Д. А. Толстому. 27 февраля 1866 г. // Там же. Л. 22–22 об.
- ⁵⁰ Внук знаменитого правителя Египта Мухаммеда Али, Измаил-паша управлял страной в 1863–1879 гг. Он добился от султана официального статуса хедива, но продолжал оставаться вассалом Османской империи.

- ⁵¹ Донесение генерального консула в Александрии А. Е. Лаговского от 5 / 17 апреля 1866 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 36. 1866 г. 2 отд. 3 ст. Д. 26. Л. 33–33 об.
- ⁵² См. послание патриарха Никанора Св. Синоду от 19 мая 1866 г. // Там же. Л. 48–48 об.
- ⁵³ См.: *Петрунина О. Е., Вах К. А.* Слабоумие Александрийского Патриарха Никанора (1866–1869): Правда или вымысел? // Каптеревские чтения. Вып. 12. М., 2014. С. 82–97. Авторы статьи ставят под вопрос умственную неспособность патриарха Никанора и склонны считать ее измышлением его противников.
- ⁵⁴ Пелусийский митрополит Амфилохий (1820–1902) родился на острове Патмос, принял постриг в монастыре св. Пантелеимона на Афоне. В 1857 г. он общался там с П. И. Севастьяновым. При поддержке Севастьянова в 1860 г. Амфилохий был поставлен игуменом Кутлумушского монастыря, однако не был принят греческой братией и вернулся в русский монастырь. В 1863 г. покинул Св. Гору, был рукоположен во епископа с возведением на Пелусийскую кафедру. В деле патриарха Никанора вместе с митрополитом киринейским Спиридоном он встал на сторону противников патриарха; вероятно, это следует объяснить его желанием поддержать русского консула И. М. Лекса, последовательно действовавшего против партии патриарха. Чтобы удалить его из Александрии, противники хотели отправить его настоятелем московского подворья, однако он остался в Египте и был отлучен Никанором на соборе в июле 1867 г. Некоторое время он остается в Египте и, видимо, во время смуты продолжает занимать свое архиерейское место. Патриарх Софроний и его преемник Фотий не снимали с него запрещения, несмотря на неоднократные просьбы. Это вынудило его после 1870 г. вернуться в русский монастырь св. Пантелеимона. В 1880 г. Константинопольский патриарх Иоаким III наказал его изгнанием в скит св. Анны за рукоположение русских иеромонахов без патриаршего разрешения. В 1883 г. он находит прибежище в монастыре св. Иоанна Богослова на о. Патмос, духовником которого был его брат Никодим. Он сохраняет отношения с русской братией и в течение нескольких десятилетий, нуждаясь в деньгах, выполняет поручения библиотекаря о. Матфея Ольшанского по переписыванию рукописей. В архиве Пантелеимонова монастыря сохранились письма Амфилохия к о. Матфею за 1883–1892 гг.: Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. Сер. Русский Афон XIX–XX веков. Т. 11. Издание русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. Ч. 2: Переписка с западноевропейскими и греческими учеными. / Введ., подг. и пер., комм. Л. А. Герд. С. 657–954.
- ⁵⁵ А. Н. Николаев Н. П. Игнатьеву. 30 мая / 1 июня 1866 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 36. 1866 г. 2 отд. 3 ст. Д. 26. Л. 42–44 об.
- ⁵⁶ Копия с донесения консула в Александрии от 26 июля 1866 г. // Там же. 2 отд. 3 ст. Д. 204. Л. 2–3; Окружное послание Никанора об избрании Мелетия викарием // Там же. Л. 5–6.
- ⁵⁷ Митрополит Филарет (Дроздов) Д. А. Толстому. 26 июля 1866 г. // Там же. Д. 186. Л. 7–8 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 199.
- ⁵⁹ *Петрунина О. Е.* Иван Михайлович Лекс и его время // Румыния и Египет в 1860–1870-е годы. Письма российского дипломата И. М. Лекса к Н. П. Игнатьеву. М., 2016. С. 10–11.
- ⁶⁰ И. М. Лекс П. Н. Стремоухову. Каир, 1 / 13 апреля 1867 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 36. 2 отд. 3 ст. Д. 26. Л. 54–55 об.
- ⁶¹ И. М. Лекс Н. П. Игнатьеву. 3 / 15 декабря 1866 г. Румыния и Египет в 1860–1870-е годы // Письма российского дипломата И. М. Лекса к Н. П. Игнатьеву. С. 42.
- ⁶² И. М. Лекс Н. П. Игнатьеву. 18 декабря 1866 г. // Там же. С. 44.
- ⁶³ И. М. Лекс Н. П. Игнатьеву. 10 / 22 апреля 1867 г.; 23 апреля / 5 мая 1867 г.; 6 / 18 июня 1867 г. // Там же. С. 55–63.
- ⁶⁴ Копия с конфиденциального донесения И. М. Лекса 22 июня 1867 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 2 отд. 3 ст. Д. 1156. Л. 16–25.
- ⁶⁵ См. копию с донесения российского вице-консула в Каире И. М. Лексу от 11 / 23 августа 1867 г. // Там же. Л. 51–52 об.

- ⁶⁶ Патриарх Никанор И. М. Лексу. Александрия, 22 августа / 3 сентября 1867 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 2 отд. 3 ст. Д. 115а. Л. 44–49 об.; Патриарх Никанор — А. Н. Муравьеву // Там же. Д. 115б. Л. 39–46 об. См. также письмо А. Н. Муравьева Д. А. Толстому от 30 июля 1867 г. // Там же. Д. 115б. Л. 37–38; Патриарх Никанор — митрополиту Исидору Санкт-Петербургскому // Там же. Л. 67–68; Патриарх Никанор Св. Синоду. 23 сентября 1867 г. // Там же. Л. 69–70 об.; Изложение свидетелей событий, удостоверенное подписью греческого консула Миха. 3 июля 1867 г. // Там же. Л. 117–119 об (рус. пер.: Л. 132–134).
- ⁶⁷ Патриарх Никанор А. Н. Муравьеву // Там же. Л. 39–46 об.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 2 отд. 3 ст. Д. 115а. Л. 4–9 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 34–35 об., 36–41. Патриарх Никанор — Н. П. Игнатьеву. Александрия, 14 / 21 августа 1867 г. // Там же. Л. 17–18 (франц. оригинал); Л. 42–43 (рус. пер.).
- ⁷⁰ Там же. Д. 115б. Л. 37.
- ⁷¹ Н. П. Игнатьев И. М. Лексу. 27 июня 1867 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 2 отд. 3 ст. Д. 115б. Л. 33–34.
- ⁷² И. М. Лекс Н. П. Игнатьеву. 20 июня / 2 июля 1867 г. // Румыния и Египет в 1860–1870-е годы. Письма российского дипломата И. М. Лекса к Н. П. Игнатьеву. С. 63–67.
- ⁷³ См. печатный экземпляр решений собора: РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 2 отд. 3 ст. Д. 115а. Л. 55–71 об.; Д. 115б. Л. 73–88 об.
- ⁷⁴ Копия с письма патриарха Кирилла Иерусалимского к председателю Александрийской общины С. Константиnidису. 6 сентября 1867 г. // Там же. Л. 54, 54 об., 72; Копия с донесения А. Ф. Бегера Н. П. Игнатьеву. 3 ноября 1867 г. // Там же. Л. 77–77 об. Печатный текст посланий патриархов Иерофея Антиохийского (от 26 августа 1867 г.) и Кирилла Иерусалимского (от 21 сентября 1867 г.) // РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 2 отд. 3 ст. Д. 115б. Л. 139 (рус. пер.: л. 140–143). Копии с писем патриархов Иерусалимского и Антиохийского к Никанору были препровождены митрополиту Московскому Филарету (Дроздову). Сообщая о них обер-прокурору, он добавил, что Синоду нужно принять их к сведению, «не произнося, впрочем, суждения о сем деле, о котором от Патриарха Александрийского и единомысленных с ним имеются официальные сведения, а от Патриарха Вселенского таковых не имеется. При том сия сдержанность соответствовать будет и желанию Святейшего Синода сохранить мир со всеми церквами, между которыми случилось разногласие» (РГИА. Ф. 797. Оп. 37. 2 отд. 3 ст. Д. 115б. Л. 138–138 об.). В другом своем мнении митрополит Филарет также подчеркивал, что патриарх Никанор находится под влиянием «нежелательных советников», и потому поддержку ему оказывать не следует (письмо от 5 октября 1867 г. // Там же. Л. 97–97 об.).
- ⁷⁵ Копия с депеши Е. Е. Стааля. Пера, 2 / 14 января 1868 г. // Там же. Л. 84–84 об.
- ⁷⁶ Копия с депеши Е. Е. Стааля. Пера, 30 января / 11 февраля 1868 г. // Там же. Л. 87–88 об.
- ⁷⁷ Петрунина О. Е. Митрополит Нил Пентапольский и его роль в греко-российских церковных отношениях второй половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской православной церкви. 2017. Вып. 79. С. 30–45.
- ⁷⁸ Герд Л. А. Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х годов и Россия. С. 19.
- ⁷⁹ Н. П. Игнатьев — МИД. 27 июня 1867 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Д. 115б. Л. 13–13 об.
- ⁸⁰ Н. Лекс П. Н. Стремоухову. 17 / 29 марта 1869 г. // Там же. Оп. 39. 2 отд. 3 ст. Д. 65. Л. 1–1 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 2–2 об.
- ⁸² Е. Е. Стааль А. М. Горчакову. 20 мая / 1 июня 1869 г. // Там же. Л. 9–9 об. (рус. пер.: Л. 11–12).
- ⁸³ Там же. Л. 34–37.
- ⁸⁴ Копия с донесения Н. П. Игнатьева. 16 / 28 сентября 1869 г. // Там же. Л. 43–44 об.
- ⁸⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 40. 2 отд. 3 ст. Д. 136.

References

- CHENCOVA V. G. *Ikona Iverskoj Bogomateri (Ocherki otnoshenij Grecheskoj cerkvi s Rossiej v seredine XVII veka po dokumentam RGADA)* [The Iverskaja Icon of Virgin. Essays on the Relations of the Greek Church and Russia in the mid-17th Century According Documents from RGADA. In Russ.]. Moscow, 2011.
- CHESNOKOVA N. P. *Khristianskij Vostok i Rossija: politicheskoe i kulturnoe vzaimodejstvie v seredine XVII veka (po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnih aktov)* [The Iverskaja Icon of Virgin. Essays on the Relations of the Greek Church and Russia in the mid-17th Century According Documents from RGADA. In Russ.]. Moscow, 2011.
- DALACHANIS A. *The Greek Exodus from Egypt. Diaspora Politics and Emigration, 1937–1962*. New York – Oxford, 2017.
- GERD L. A. *Constantinopol' i Peterburg: cerkovnaja politika Rossii na pravoslavnom Vostoke (1878–1898)*. [Constantinople and Petersburg: Russian Church Policy in the Orthodox East (1878–1898). In Russ.]. Moscow, 2006.
- GERD L. A. *Sekuliarizacija imenij vostochnykh monastyrej i cerkvej v Valahii i Moldavii v nachale 1860-h godov i Rossija // Vestnik Sviato-Tikhonovskogo Pravoslavnogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2014. Ser. II. Istorija. Vyp. 6 (61). P. 7–34.
- KALLIFRON V. D. *Ekklesiastika, i ekklesiastikon deletion*. T. 1–4. Constantinople, 1869–1870.
- KAPTEREV N. F. *Kharakter otnoshenij Rossii k Pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletijah*. [The Character of the Relations between Russia and the Orthodox East in the 16th and 17th Centuries. In Russ.]. Sergiev Posad, 1914.
- PAPADOPOULOS H. *Istoria tis Ekklesias Alexandreias (62–1934)*. [History of the Church of Alexandria (62–1934). In Greek]. Alexandria, 1935.
- Perepiska bibliotekaria Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyria na Afone otca Matfeja s uchenymi vostoکوvedami Rossii i drugih stran / Serija «Russkij Afon XIX–XX vekov»*. [The Correspondence of the Librarian of St Panteleimon Monastery on Mt Athos Mathew with the Learned Orientalists of Russia and Other Countries / Series «Russian Athos 19th–20th Centuries. In Russ.]. T. 11. Russkij Sviato-Panteleimonov monastyr' na Afone, 2015. Ch. 2. Perepiska s zapadnoevropejskimi i grecheskimi uchenymi / Vvedenie, podg. texta i komm. L. A. Gerd. P. 657–954.
- PETRUNINA O. E. *Bor'ba za patriarshij prestol v Alexandrijskoj Patriarkhii vo vtoroj polovine 1860-h gg.: istochniki i sostojanie issledovanij // Istorija Grecii v Moskovskom gosudarstvennom universitete im M. V. Lomonosova: ot antichnosti do nashih dnei (=Trudy istoricheskogo facul'teta MGU91 ser. 2. Istoricheskie issledovanija 47)*. P. 135–148. [The Struggle for the Patriarchal See in the Patriarchate of Alexandria in the Second half of the 1860-s: Sources and the State of Research, in: Greek History in Moscow State University M. V. Lomonosov: from Antiquity to Our Days (=Proceedings of the Historical Faculty of MGU91, 2, History 47): 135–148]
- PETRUNINA O. E. *Ivan Mikhailovich Leks i ego vremia / Rumynija i Egipet v 1860–1870-e gody. Pis'ma rossijskogo diplomata I. M. Leks k N. P. Ignatievu*. [Ivan Mikhailovich Leks and His Time / Rumania and Egypt in the 1860–1870s. Letters of the Russian Diplomat I. M. Leks to N. P. Ignatiev. In Russ.]. Moscow, 2016.
- PETRUNINA O. E. *Mitropolit Nil Pentapol'skij i ego rol' v greko-rossijskijh cerkovnyh otnoshenijah vtoroj poloviny XIX veka // Vestnik PSTGU*. Ser. II. Istorija. 2017. Vyp. 79. P. 30–45. [Metropolitan Nil of Pentapol' and his Role in the Greek-Russian Church Relations in the Second half of the 19th Century, in: Messenger of PSTGU, ser. II, History (2017): 79: 30–45.
- PETRUNINA O. E., VACH K. A. *Slaboumie Alexandrijskogo patriarkha Nikanora (1866–1869): pravda ili vymysel? // Kapterevskie chtenija*. Vyp. 12. Moscow, 2014. P. 82–97.
- PORPHYRIJ (USPENSKIJ), EP. *Sostojanie apostol'skoj pravoslavno-kafolicheskoj cerkvi Egipetskoj v pervoj polovine deviatnadcatogo stoletija // Trudy Kievskoj Dukhovnoj Akademii*. 1868. N5. P. 197–248; N10. P. 34–77; N11. P. 153–188. [Bishop Porphyrij Uspenskij, The State of the Orthodox Church of Egypt in the First Half of the 19th Century, in: Proceedings of Kiev Theological Academy (1868), No. 5: 197–248]
- PORPHYRIJ (USPENSKIJ), ep. *Kniga bytija moego*. [The Book of my Being. In Russ.]. T. IV. St. Petersburg, 1896.
- RADOPOULOS P. *Eisagogi eis tin istorian Ellinikis koinotitos Alexandreias. 1830–1927*. [Introduction to the History of the Greek Community of Alexandria, 1830–1927. In Greek]. Alexandria, 1928.
- SOKOLOV I. I. *Izbranie Patriarhov Alexandrijskoj cerkvi v XVIII i XIX stoletijah. Istoricheskij ocherk*. [Election of the Patriarch of the Church of Alexandria in the 18th and 19th Centuries. In Russ.]. Petrograd, 1916.
- SOKOLOV I. I. *Aleksandrijskie dokumenty, otnosiashiesia k istorii pravoslavnoj cerkvi v Egipte v XVIII i XIX stoletijah // Pravoslavnyj Palestinskij Sbornik*. 1916. T. XXI. Vyp. 2 (62). [Alexandrian Documents, concer-

ning to the History of the Orthodox Church in Egypt in the 18th and 19th Centuries, in: *Orthodox Palestinian Miscellanea* (1916), XXI, no. 2 (62)].

STAMATOPOULOS D. *Metarrhythmisi kai ekkosmikeusi. Pros mia anasythesi tis istorias tou oikoumenikou patriarheiou to 19o aiona*. [Reforms and Laicisation. An Approach to the History of the Ecumenical Patriarchate in the 19th century. In Greek]. Athina, 2003.

Список литературы

Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

Герд Л. А. Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х годов и Россия // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014. Сер. II. История. Вып. 6 (61). С. 7–34.

Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.

Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отца Матфея с учеными востоковедами России и других стран. Сер. Русский Афон XIX–XX веков. Т. 11: Издание русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. Ч. 2: Переписка с западноевропейскими и греческими учеными / Введ., подг. и пер., коммент. Л. А. Герд. С. 657–954.

Петрунина О. Е. Митрополит Нил Пентапольский и его роль в греко-российских церковных отношениях второй половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской православной церкви. 2017. Вып. 79. С. 30–45.

Петрунина О. Е. Борьба за патриарший престол в Александрийской патриархии во второй половине 1860-х гг.: источники и состояние исследований // История Греции в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова: от античности до наших дней (= Труды исторического факультета МГУ. 1991. Сер. 2. Исторические исследования. 47). С. 135–148.

Петрунина О. Е., Вах К. А. Слабоумие Александрийского патриарха Никанора (1866–1869): Правда или вымысел? // Каптеревские чтения. Вып. 12. М., 2014. С. 82–97.

Порфирий (Успенский), еп. Состояние апостольской православно-кафолической Церкви Египетской в первой половине девятнадцатого столетия // Труды Киевской духовной академии. 1868. № 5. С. 197–248; № 10. С. 34–77; № 11. С. 153–188.

Порфирий (Успенский), еп. Книга бытия моего. Т. 4. СПб., 1896.

Соколов И. И. Избрание патриархов Александрийской церкви в XVIII и XIX столетиях: Исторический очерк. Пг., 1916.

Соколов И. И. Александрийские документы, относящиеся к истории православной церкви в Египте в XVIII и XIX столетиях // ППС. 1916. Т. XXI. Вып. 2 (62).

Ченцова В. Г. Икона Иверской Богоматери (Очерки истории отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2011;

Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011.

Dalachanis A. *The Greek Exodus from Egypt. Diaspora Politics and Emigration, 1937–1962*. New York – Oxford, 2017.

Καλλίφρων Β. Δ. Ἐκκλησιαστικά, ἢ Ἐκκλησιαστικὸν δελτίον. Τ. Α΄–Δ΄. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1869–1870.

Παπαδόπουλος Χ. Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας (62–1934). Ἀλεξάνδρεια, 1935.

Ραδόπουλος Ρ. Εἰσαγωγή εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἑλληνικῆς κοινότητος Ἀλεξάνδρειας. 1830–1927. Ἀλεξάνδρεια, 1928.

Σταματόπουλος Δ. Μεταρρύθμιση και εκκοσμίκευση. Πρός μία ανασύνθεση της ιστορίας του Οικουμενικού Πατριαρχείου τον 19^ο αιώνα. Αθήνα, 2003.

**Л. А. Герд. Россия и Александрийский патриархат в 1840–1870-х гг.
(по документам петербургских архивов)**

В статье исследуется история отношений России и Александрийского патриархата в середине XIX в. Россия традиционно поддерживала православие на Ближнем Востоке; епископ Александрийской церкви Никанор в течение 11 лет проживал в Москве и собрал огромную сумму для своего престола. Однако материальная помощь не принесла России никаких выгод: деньги оказались расхищены, а возведение Никанора на патриарший престол привело к многолетней смуте в патриархате. Усилия русских дипломатов урегулировать конфликт оказались малоэффективны по причине слабости русского влияния на египетские греческие общины. Наконец, в 1870 г. из Константинополя был назначен патриарх Софроний, который водворил мир в Александрийской церкви.

Ключевые слова: Православный восток, внешняя политика России, история церкви, восточный вопрос, дипломатия, Ближний восток, Александрийский патриархат, новогреческие исследования.

**L. A. Gerd. Russia and the Patriarchate of Alexandria in the 1840s-1870s
(based on documents from St Petersburg archives)**

The article is focused on the history of the relations between Russia and the Patriarchate of Alexandria in the mid-19th century. Russia followed its traditional line of supporting Orthodoxy in the Near East: the Bishop of the church of Alexandria Nikanor lived in Moscow for eleven years, gathering enormous donations for his church. Russia, however, did not profit from the material aids: the money was stolen, and the appointment of Nikanor to the Patriarchal see led to long turbulence in the patriarchate. The attempts of Russian diplomacy to settle the conflict were not so effective due to the weakness of Russian influence on the Greek communities in Egypt. Finally, in 1870 a new Patriarch, Sophronius, was appointed from Constantinople; he managed to pacify the church of Alexandria.

Key words: Orthodox East, Russian foreign policy, church history, Eastern question, diplomacy, Near East, Patriarchate of Alexandria, modern Greek studies.